

В моей квартире живёт барабашка. Один раз я даже увидел размытый образ молодой, высокой, стройной женщины. Она проявилась на одну секунду и исчезла. Я часто чувствую её присутствие. Иногда её не слышно: то ли спит, то ли своими делами занимается. По утрам я ухожу на работу, а барабашка остаётся дома. Конечно, ей скучно одной, поэтому иной раз она тоже со мной «идёт» на работу, а там, развлечения ради, начинает подшучивать над людьми. Однажды в середине рабочего дня наш сотрудник Николай, сидящий в другом конце офиса, вдруг стал озадаченно перебирать бумаги на столе.

— Влад, тут лежала резиновая деталь, которую я сверял с чертежом, а потом она исчезла. Это ты её взял?

— Да я к твоему столу даже не подходил. Может быть, ты смахнул её случайно рукой?

— Ты что такое говоришь? Она же тяжёлая и большая.

— Резиновая, тяжёлая, большая — эту твою деталь ты случайно не в магазине «Розовый кролик» купил?

— Да ну тебя.

Николай обошёл вокруг стола, порылся в ящиках. Он начинал злиться. Тут только до меня дошло: это же моя

барабашка шутит! Но не мог же я признаться в этом Николаю. За такие шутки можно и с работы вылететь. Служивцы могут подумать, что мои сюрреалистические сны, выйдя из подсознания, проявляются в реальной жизни через эротоманию в виде образа красивой женщины-барабашки, которая, как мне кажется, в меня влюблена. А такие их выводы могут привести к тому, что меня мои же сотоварищи сдадут в психиатрическую больницу. Я люблю брать больничные листы по всякому поводу, и без повода тоже люблю, но по такому больничному отдышать никак не входило в мои планы.

— Николая, в нашей комнате завелась барабашка. Возьми блюдце, положи в него конфеты, поставь на пол и скажи три раза такие слова: «Домовой, домовой, поиграл и мне отдай». Только при этом не злись на неё. Произнесёшь эти слова — домовушка тебе отдаст твою деталь.

— Влад, мне не до шуток. За потерю образца начальник меня взгреет. Нам грозит потеря договора на большую сумму.

— Я не шучу. Возьми мои конфеты и печенье.

Николай продолжил поиски, нервно бурча себе под нос. Я отвернулся от него и занялся своим делом. Через некоторое время он подошёл:

— Давай свои конфеты. У меня, кроме колбасы, ничего нет.

Николай трижды прошептал заговор. Вдруг он вскрикнул:

— Вот она! Деталь здесь и раньше лежала. А теперь конфеты можно забрать?

— А ты всегда так делаешь — сначала даришь подарок, а потом обратно забираешь?

— Ну, сравнил! Одно дело — дарить подарки живому человеку, а тут...

На следующий день об этой истории Николай рассказал нашему коллеге Михаилу, добавив, что у меня злые шутки, а сам я злой человек и от меня надо держаться подальше. Якобы я стал им манипулировать с помощью

гипноза. О своих подозрениях мои товарищи сообщили нашему боссу Борису Наумовичу, которого мы между собой называли Борбоссом. Внешне он напоминал мне собаку породы боксёр: невысокий, крепко сбитый, когда он был недоволен, лицо его становилось злым, а голос — лающим. Но в этот день в его поведении произошли резкие изменения — он стал передо мной ласково повизгивать и при этом, как мне казалось, виновато повиливал хвостиком. Мне было непонятно его поведение: не мог же этот волкодав меня бояться? После обеда Борбосс пригласил меня к себе в кабинет и предложил:

— Послушай-ка, дружище, я слышал, что ты, незаметно для окружающих, без всяких маятников можешь ввести человека в гипноз. Мне твоё качество может пригодиться при подписании договоров с нашими партнёрами по бизнесу. А я тебя премией не обижу. Договорились?

— Не обладаю я никакими гипнозами. То, что вам рассказали, скорее всего, барабашкины проделки.

— Ну да, ну да. И какая барабашка смогла бы унести такую тяжёлую деталь, а потом снова принести? Тебе что, лишняя премия помешает? Или ты кого боишься? Да я любого загрызу, кто покусится на тебя.

Борбосс смотрел на меня колючим взглядом, жуя жевательную резинку и нервно поигрывая скулами.

Пожалуй, этот сможет вцепиться в любую глотку и, возможно, смог бы защитить, но пуля летит быстрее, чем сомкнутся его челюсти на горле врага. Я обещал подумать.

По окончании работы я позвонил своей знакомой и договорился о том, что этот вечер мы проведём вместе у меня дома. Купил шампанское, конфеты, фрукты, шёл, довольный, домой в предвкушении пятнадцатиминутного счастья.

Мы с Ларисой сидели на диване, пили шампанское, разговаривали. Вдруг в туалете загрохотало железное ведро. Она удивлённо посмотрела на меня:

— В квартире есть ещё кто-то?

— Никого нет, это барабашка шалит.

Через некоторое время в туалете опять раздалось гроыхание ведра.

Лариса подошла к двери туалета, осторожно приоткрыла её:

— Действительно никого.

Вернулась, села на диван, и тут же раздался грохот.

— Милая, не волнуйся, барабашка просто ревнует.

Лариса резко встала и пошла на выход:

— Если захочешь со мной встретиться — найди другую территорию, а выяснять отношения с невидимой соперницей я не собираюсь.

Разводятся не только люди... Я где-то читал, что барабашки живут в старых домах. Из центра города я переехал на окраину, поменял работу.

Уже в новой квартире, лёжа на диване, я разговаривал по телефону со своим приятелем. И вдруг из кухни донеслась очень громкая музыка. Я точно знал, что телевизор был выключен, и вообще никогда звук не выставлю на полную громкость. Приятель, конечно, не поверил, что это шутки барабашки. А я обрадовался: со мной опять самая красивая женщина в мире. А что, кто-то может это оспорить?

Каждый из нас сделал выводы. Если кто-то ко мне приходит в гости, барабашка не гремит ведром, а я каждую пятницу вечером наливаю вино в два бокала, пирожное кладу себе и барабашке. Попиваю вино, закусываю и рассказываю о событиях, произошедших за неделю. Барабашка слушает меня и не перебивает. А ведь что ещё нужно для счастья? Чтобы тебя слушали и не перебивали.